

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

### В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ ПОРЯДКА

#### И.А. Исаев. ИДЕЯ ПОРЯДКА В КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ. М.: “Проспект”, 2011.

Ключевая идея книги – определение роли трансцендентного начала в формировании и понимании порядка. Именно в этом начале видит автор истоки всех ценностей, которые значимы для существования порядка во все исторические эпохи. Доказательственную базу своей концепции И.А. Исаев строит на платоновском “мифе пещеры” с его идеей предустановленного и вечного порядка, основанного на первенстве “идеального” над “реальным”. Согласно Платону идея (сущность) господствует над вещами, определяет их вид, форму и динамику. Она вечна, неизменна, не имеет ни начала, ни конца, указывает единственно правильное направление любым политическим усилиям.

Автор монографии соглашается с выводом одного из крупнейших западных философов XX в. А.Н. Уайтхеда о том, что вся послеплатоновская философия есть лишь цитирование Платона. Действительно, дуализм между миром идей и существующим, провозглашенный Платоном, был с готовностью воспринят уже раннехристианской философией. Идеи, как и во времена Платона, по-прежнему считались прообразом вещей, но теперь располагались в уме у Бога. Ситуация осложнилась лишь тогда, когда общая сакральная идея была утрачена и власть духовно-абсолютная уступила место власти светской. Человек по-прежнему искал прибежища у Бога. Но это был уже не тот Бог, который вмешивается в дела людей. Он – Творец, который дистанцировался от них и созданных ими учреждений.

Новая логика миропонимания, как ярко показано в монографии, изменила картину властеотношений, сложившихся в предыдущие исторические эпохи, породила вопросы о законности королевских прерогатив, которые перестали связываться с волей Бога. Появились требования об уравнивании с государями тех лиц, которые ему служили.

И.А. Исаев прослеживает революционную ломку идей о сущности порядка, главным образом в конце XVII – первой половине XIX вв. Выбор этой эпохи автор объясняет тем, что именно в ту пору закладывались “идеальные типы” власти и закона, которым было суждено радикальным образом изменить стили политической жизни и правопонимания. При анализе этих исторических эпох внимание ученого сосредоточено главным образом на анализе двух соперничавших между собой научно-правовых направлений – школы естественного права и исторической школы права.

В работе дана оригинальная трактовка исторического развертывания категории “естественное право”. Сначала она рассматривается в плане противопоставления “природы” и морального долга подчинения законам общества (античный мир), затем – божественного и светского (средневековье) и, наконец, в виде столкновения индивидуального разума и правового принуждения (“Новое время”). Подробно ис-

следованы и основные формы естественного права: естественное состояние (“золотой век” прошлого и будущего человечества), справедливый порядок (естественное право фактически отождествлено с моралью и нравственностью) и воображаемый, идеальный порядок, в котором исчезает всякая нормативность и человечество возвращается в “утраченный рай” (с. 209). Нетрудно заметить, исходя из приведенной автором схемы, как постепенно справедливость “естественного состояния” уступила место пониманию справедливости другого рода, связанной с жизнью самого общества, его нравственностью и моралью. Какой бы сложной в дальнейшем ни оказалась динамика категории справедливости в общественном сознании, но во всех философско-правовых концепциях отныне она навсегда осталась заложницей той системы общественных связей и отношений, которые вырабатывались общественной практикой.

Автор полагает, что историческая школа преодолела политико-правовые утопии естественно-правовой теории. Вместе с тем И.А. Исаев утверждает, что именно в этой школе платоновская идея обрела свои новые формы, скорректировав амбициозные планы эгоцентричного и абстрактного разума и выдвинув идеи единства, целостности и солидарности. Так, по мысли ученого, новые теории исправляют старые, возвращая их даже не к прошлому, а к позапрошлому времени. Происходит, считает он, консервативная революция – отрицание отрицанием, направленное против старых политических форм и нигилизма, циничной политики догм (с. 329). И хотя политические формы сменяют друг друга, но под этими изменениями лежит более глубокая политическая реальность, сохраняющая свою неизменную сущность, которой придаются разные черты: экономики, религиозности, культуры, народного духа (с. 338).

Трудно принять (не сходя не только с атеистических позиций, но и с точки стародавнего тезиса о том, что, “завершив свою работу, Бог почивает”) эту концепцию автора, которая неминуемо ведет к признанию некоей изначальной идеи, обуславливающей существование каждой вновь возникающей политической формы.

Одно из центральных мест в книге занимает трактовка категорий легальности и легитимности. Легальность представлена автором в виде логически связанной системы норм, ориентированной исключительно на позитивное право (с. 345). Легитимность же рассматривается как доверие к порядку, опирающееся на внешние по отношению к этому порядку мотивации (веру, страх и пр.). В монографии подробно, на широком социальном фоне исследуются особенности легитимности и легальности. Учитывая особое значение теоретических исследований проблем легальности и легитимности для современного развития России, особо отметим те различия между этими категориями, которые установлены

автором монографии в процессе анализа их исторического развития. Эти различия следующие:

1) легитимность склонна ссылаться на принципы справедливости, в то время как легальность отождествляет себя с законностью;

2) легитимность формирует мифы, а легальность создает нормы и сама следит за их исполнением;

3) легитимность строится на идеале, а легальность – на сопоставлении юридически значимых действий установленным правилам и образцам; легитимность идеалистична, а легальность реалистична;

5) легитимность стимулирует изменения в правовом процессе, а легальность заботится о стабильности и неизменности.

Автор придает первостепенное значение тому факту, что легитимность по своей значимости стоит явно выше легальности, т.е. формальной законности. Спокойное существование всякой власти, справедливо подчеркивается в книге, кроется не столько в ее легальности (законности), сколько в ее легитимности (с. 363–366).

Интересными представляются разделы монографии, связанные с анализом легитимации, которая начинается с создания воображаемых идеальных моделей. Ее идеологическим обоснованием и формой выступает в той или иной степени сакрализованная воля законодателя (суверена, монарха, народа, нации) или общественный договор суверена с подданными (с. 354). Показательно, что автор солидаризируется с высказанным в литературе мнением, что народ как субъект власти – категория скорее мистическая, чем реальная: его нельзя отождествить ни с электоратом, ни с населением, ни с нацией, ни с организованным государственным сообществом (с. 351). Индивиды составляют мистическое “тело” народа как субъекта власти. Они чувствуют себя причастными к народу, которому принадлежит власть, а власть рассматривают как своего уполномоченного. Отсюда делается вывод, что в демократической интерпретации “всякое правительство есть только временное правительство, поскольку оно само нуждается в последующем обязательном санкционировании со стороны всех или большинства граждан” (с. 351). В условиях демократии гражданин соглашается с законом, который принят даже против его воли, только потому, что последний выражает “общую волю”, и голосует он на выборах только для того, чтобы был возможен подсчет голосов, благодаря которому и определяется “общая воля” (с. 356). Выборы и есть важнейший акт легитимации власти, что верно лишь при том условии, что это честные и справедливые выборы. Изложенная интерпретация легитимности, легальности и легитимации является добротной основой для последующих научных исследований по данной проблематике.

Очень важными для современной теории права представляются и рассуждения о соотношении справедливости и целесообразности. Научно значимой представляется мысль автора о том, что хотя справедливость и целесообразность не всегда находятся в состоянии гармонии, но только совокупно они вступают в противоречие с правовой стабильностью (с. 231). Из данного теоретического положения однозначно следует практический вывод: решая вопросы правовой стабильности, нельзя ограничиваться исключительно требованиями целесообразности; для сохранения стабильности не в меньшей степени следует заниматься вопросами справедливости.

Многие положения работы заслуживают того, чтобы быть включенными в учебники для юристов. Стоит упомянуть, например, о том, что, по мнению автора, недостаточно пони-

мать государственное пространство как территорию. Более важным его признаком является духовный характер: только ощутив себя империей (центром земли), государственное образование способно стать таковой (с. 12). В связи с таким пониманием государственного пространства следует расширить и традиционное понимание государства вообще. Государство – это не просто территория, население и власть, а особого рода духовное поле, которое может быть разрушено не только вследствие воздействия внешней силы, но и по “внутренним причинам”. Например, если власти не способны управлять государством, соблюдая общепризнанные нормы и принципы морали, поражены язвой коррупции, противопоставили себя народу, то рано или поздно они обречены на гибель. Именно понятие “духовное поле” государства объясняет сущностный смысл категории легитимности власти. Многие революции начинались из-за разрушения авторитета ее носителей.

Вовсе небеспопеченным является умозаключение, содержащееся в работе, о том, что парламент – преобладание мнений над знанием (с. 120). Трудно из этого пассажа не сделать вывода о том, что вновь избираемые парламентарии должны быть профессионалами, призванными не просто высказывать мнения, но и показывать свои знания. Иначе будет оправданна известная фраза: “парламент – не место для дискуссий”... В работе множество других тонких наблюдений, например о различии между деспотией и диктатурой. Первая из них “является чистой самоцелью”, а вторая – “приостанавливает законность (легальность) ради легитимности” (с. 139 и сл.).

Конечно, монография содержит немало спорных позиций. Остановимся на некоторых из них. Вдохновившись идеей Платона о мире теней, в которых пребывают сущности, автор затем всю конструкцию идеи порядка сводит к миру иррационального. Метаморфозы этой идеи согласно автору – лишь движения от одного понимания иррационального к другому (с. 12). Такие трактовки идеи не являются чем-то новым в современной юридической науке (В. Кубеш и др.). Тем не менее, столь откровенные иррационалистские подходы для постсоветской правовой литературы не стали еще вполне привычными. Полагаю, что эти философско-правовые положения далеки от той реальности, с которой сталкивается любой человек. В основе появления идей лежат вполне “осязаемые” вещи – инстинкты, потребности и интересы, из которых и вырастают идеи. Не потеряло своей актуальности высказывание классика о том, что идея неизменно посрамляла себя, когда отрывалась от интереса.

Довольно странно, что автор, цитируя обширный круг западной научной литературы, полностью оставляет за пределами своих исследований приверженцев марксизма. Нет смысла выбрасывать за борт их достижения хотя бы потому, что марксизм менее других философских направлений связан с “абстрактной игрой” разума. При этом, в отличие от советской литературы, следовало бы акцент сделать не на том, что отличает марксистский подход к пониманию правовой идеи от так называемых иррационалистических подходов, а на том, где у них общая точка зрения на проблему. А она все же есть. Например, К. Маркс призывал законодателя “смотреть на себя как на естествоиспытателя”. Философ, разделявший в начале своей научной деятельности многие постулаты своих современников, писал, что законодатель “не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных законах внутренние законы духовных отношений”<sup>1</sup>. Разве этот тезис противоречит идеям “исторической

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 62.

школы права"? Вместе с тем в более поздних марксистских построениях отставались и иные позиции. Истоки идей, по мнению К.Маркса и его последователей, следовало искать не в свободной, ни от чего не зависящей субъективности, а в той наличной действительности, в которой человек действует, в тех общественных отношениях, в которые он так или иначе включен. Правовая идея при таком подходе предстает как начало и итог познания человеком социально-правового континуума.

На наш взгляд, некоторые весьма интересные положения работы нуждаются в дополнительном аргументировании. Таким следует считать утверждение автора о том, что "проблема законности и узурпирования власти пришла в XVIII век из культуры барокко вместе с сопутствующими мотивами трагичности и меланхолии..." (с. 131). Конечно, мотивы трагичности и меланхолии тут ни при чем. "Работали" на новое понимание законности и узурпирования власти другие факторы, в основном связанные с ослаблением роли церкви и возвышением на этом фоне роли государства. Церковь и государство в этот период в одинаковой мере приняли на себя ответственность за примирение социальных конфликтов, но делали это в рамках той новой роли, которая закрепилась за ними сложившимся типом мышления. Всесторонний анализ этой ситуации, видимо, позволил бы автору ярче оттенить особенности легализма в барочную и послебарочную эпохи.

Еще один пример. На с. 174 утверждается, что «в Средние века не существовало четко артикулированного понятия "государство", которое обозначало бы юридически оформленную общность, обладающую суверенитетом или высшей законодательной властью». При этом автор не уточняет, о каком периоде средневековья идет речь: раннем, классическом

или позднем. Между тем каждый из этих периодов отличался своеобразием в понимании государства, в том числе в части суверенитета и высшей государственной власти.

Можно только сожалеть о том, что русская политическая философия и правовая философия вообще оказались за пределами исследования, как будто в изучаемое автором время их вообще не было. Между тем и естественноправовое учение, и историческая школа права имели своих ярких представителей в нашей стране (З.А. Горюшкин, А.П. Кунцын, А.К. Неволин и др.).

К числу недостатков монографии можно отнести отсутствие в ряде случаев ссылок на первоисточники. Вместо этого читатель отсылается к работам ученых, в которых комментируется содержание рассматриваемых трудов.

Книга И.А. Исаева демонстрирует блестящее владение научным материалом, завидную эрудицию автора. Написанная прекрасным стилем она временами поднимается до уровня поэзии в прозе. Но главное в ней, на наш взгляд, что при рассмотрении идеи порядка в консервативной ретроспективе напрашивается вывод: всякая революция неизбежно несет в себе отпечаток прошлого, в той или иной мере сохраняя и восстанавливая старые структурные образования и принципы. Полных возвратов к старым эпохам, конечно, не бывает, но разворачивается дурная бесконечность, не знающая завершения.

**Анисим Иванович Экимов, зав. кафедрой теории и истории государства и права Российского государственного торгово-экономического университета, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (E-mail: Rospravo@mail.ru)**